

Государственное Учреждение Образования

«Средняя школа №3 г. Бреста»

Доклад

«Детство, опалённое войной»

Выполнила: ученица 8 «В» класса

Хузяхметова Дарья

Брест, 2021

Анатолий Павлович Гарай – журналист областной газеты «Заря», долгое время был вторым лицом на Брестской студии телевидения. Он родился в 1936 году в Гомельской области. Его отец, политрук отдела милиции Павел Наумович Гарай, перевез семью из Речицы Гомельской области, с прежнего места службы, в Брест в феврале 1940 года – через несколько месяцев после присоединения к СССР Западной Белоруссии. Толе было четыре года, его брату Лёне – два. В поезде Толик смотрел в окно и все повторял завораживающее слово «Брест», а отец добавлял: «Литовск».

Глубокой ночью семья сошла на плохо освещенный перрон. Был сильный мороз, снег под ногами хрустел, как капуста. Отец подхватил Толика на руки, мама с Лёней за ними – по ступенькам спустились на привокзальную площадь, где дежурили извозчики. С одним отец переговорил, и все шестеро – с ними бабушка и мамина сестра тетя Катя – сели в бричку.

Семья подъехала к дому на улице Маяковского, 42. Отомкнув двери, все съежились и пришли в ужас: в такой промозглой, необжитой «пещере» не доводилось жить ни в Речице, ни в Гомеле. «Ничего, сейчас затопим печь», – ободрил отец, обитавший здесь уже пару месяцев. Натолкали дров в серебристые дверцы изразцового камина, запалили, погрелись у огня. И в одежде легли спать, а наутро не поверили глазам: просторная квартира из двух больших комнат и кухни... Кому эти хоромы принадлежали раньше – Гарай не знали. Отец, посмеиваясь, говорил, что здесь наверняка жил какой-нибудь «панок, сбежавший в Варшаву».

Павел Гарай, уроженец Гомельской области, симпатий к «панам» не мог испытывать по определению. В молодые годы служил срочную в морфлоте, после возвращения был взят на комсомольскую работу в Гомель, окончил совпартшколу и занимал номенклатурную партийную должность. Но время было суровое, когда людей судили за 15-минутное опоздание на работу, а Гарай то ли за кого-то заступился, то ли неудачно сказал, словом, проявил колебание, не совпавшее с колебанием генеральной линии – и оказался в Речице политруком районного отдела милиции. Отсюда его и командировали в Брест в 1-е городское отделение рабоче-крестьянской милиции на углу Московской (ныне Машерова) и Советской после успешного завершения похода Красной армии в Западную Белоруссию. Мама Анатолия – Евдокия Григорьевна – с Брянщины, из зажиточной крестьянской семьи, в которой было 13 детей. Ее отец владел мельницей, дохода от нее хватало на хлеб с маслом. Когда пришла коллективизация, мельницу отняли. Взрослым детям отец посоветовал разъезжаться: тут жизни не будет. И семья раскрестьянилась, разъехались кто куда. Два брата – в Днепропетровск, где пустили корни, женившись на землячках из брянских деревень, пошли рабочими на металлургический завод. А Евдокия с младшей сестрой Катей отправилась в Гомель, где торговали на улицах морсом. После работы младшая из сестёр занималась на фельдшерских курсах, старшая окончила «курсы детства», дававшие право трудоустроиться в детском саду.

В Гомеле Евдокия познакомилась с Павлом Гараем – молодым человеком приятной наружности, двигавшимся по комсомольско-партийной линии. Образовалась семья, в которой любовь и время нивелировали известную разность взглядов.

Утром дети вышли во двор, познакомились со сверстниками. Одним из развлечений были качели – доска-сиденье, привязанная веревкой к ветке мощного тополя. Напротив, окон Гараев через ул. Маяковского стоял желтый домик (теперь это

территория детского сада). По соседству жило много еврейских детей. От соседей-брестчан они узнали, что дом на Маяковского, 42, принадлежал пани Валентовской. В доме имелось порядка восьми квартир, и поселились в них в основном семьи командиров: Коровины (дети – сын Женя и совсем маленькая Танечка), Ивкины (сын Толя), Пряничниковы, Лейкины (сын Алик), грузин-военный с семьей...

Маме с учетом ее гомельского опыта заведования яслями поручили организовать ясли № 1 по ул. Широкой (ныне б-р Космонавтов), близ угла с Пушкинской стоял вытянутый одноэтажный белый домик рядом с областной библиотекой, не так давно снесенный ради нового строительства. А тетя Катя устроилась медсестрой в железнодорожную больницу, где трудилась до самой пенсии – и в оккупацию, и после войны. Равно как мама после освобождения от немцев продолжила заведовать яслями. По менталитету обе оставались крестьянками, всегда держали хозяйство, а их ностальгические разговоры были неизменно связаны с родной деревней и деревенским трудом – вспоминали, кто как жал, как косил, какие были лошади... Добрые, уживчивые, ответственные женщины, сестры всю жизнь прожили вместе и умерли в старости одна за другой – в 1983 и 1984 годах.

Ближе к лету пошли взволнованные кухонные разговоры о возможной войне. Отец эти «инсинуации» отметал.

В конце мая ему выделили путевку в крымский санаторий. Отдых на Черном море в мае-июне 1941 года упоминается разными собеседниками – создается впечатление, что прибывших в западные области восточников поощряли путевками. Отец поехал, но за пару дней до начала войны вдруг вернулся, недобыв на курорте неделю. Потом мама всю жизнь повторяла, что Павел приехал сам, никто его не звал и, останься он в Крыму до конца лечения, у него была бы другая судьба.

Вечером 21 июня отец вернулся со службы поздно. Тетя Катя объявила, что на улицах группами по 5–6 человек «кучкуются» какие-то странные типы в военной форме, стоят молча, от общения уклоняются. Отец не отреагировал. Поужинали, легли спать. А под утро вдруг задрожала земля и загремели ставни, закрывавшиеся в доме изнутри.

Мальчику запомнился гул летящих самолетов, отдаленные разрывы, телефонный столб с обрезанными проводами... Мать пыталась успокоить себя и окружающих словом «учения», но отец возразил: «Нет, это война». Впрыгнул в гимнастерку, галифе защитного цвета, надел шинель, взял наган, поцеловал детей и ушел. На столе он забыл часы, и верившая в приметы бабушка спрятала их в карман со словами: «Вернется!» Но он не вернулся, погиб...

Мама и тетя Катя побежали к соседям – там тоже мужья ушли, а женщины с детьми остались. Из подъезда смотрели в сторону вокзала, откуда доносились сильные разрывы (вероятно, в Северном городке) и дым стоял намного выше домов. Взрослые говорили, что горит вокзал. Часам к 6 утра появились соседские командиры – три или четыре человека в форме с наганами. Отца с ними не было. Поцеловали своих и ушли...

Каратели сильно зверствовали. Когда с рассветом семья Гарай открыла окна, то увидела обгоревшие дома. Пустые. С выбитыми дверьми и окнами. Анатолий Павлович вспоминает: «Напротив нас, в маленьком желтом домике, жила семья еврейского мальчика Лейбы. Он часто к нам прибегал, был шустрым, веселым мальчишкой. Было

ему лет 6 — 7. Мы вместе гоняли мяч, играли, и в нашей ребячьей команде он был всегда заводилой — самым смелым, ловким, сильным, всегда защищал слабых, словом, как сейчас принято говорить, был прирожденным лидером. Мы всегда были вместе на нашей улице — евреи, белорусы, русские, поляки. Но вот началась война улицу Маяковского перегородили. Дом Лейбы оказался в «гетто». Сквозь наше детство прошла колючая проволока. Мы подходили к изгороди, разговаривали с Лейбой, мы не понимали, почему он там, а мы здесь. Ведь мы всегда — вместе. Иногда Лейба перелезал через проволоку и забегал к нам во двор. Но гетто охранялось и лезть через «колючку» становилось все опасней и опасней. Наконец, осенью 1942 года оккупанты оцепили гетто, поставив вокруг свои машины, мотоциклы, броневики. Было холодно. Накануне выпал первый снег. Немцы ходили по улице, посмеивались, постукивая сапогами, чтобы согреться. Стало ясно — что-то готовится. Мои домашние сразу притихли, стали говорить вполголоса, закрыли изнутри окна ставнями. В гетто тоже стояла мертвая тишина. А когда стемнело, раздались первые выстрелы. Мы испуганно прижались к матери. Стрельба была страшная и длилась долго. Немцы бегали по улице. Кто-то пробежал по двору. И вдруг раздался громкий стук в дверь. Мы долго не открывали. Наконец, бабушка решилась, вбежал немец с пистолетом и какой-то штатский. Они кричали: «Юдэ?! Где юдэ!?!». Отшвырнули мать, бабушку и стали разглядывать нас — детей. Я стоял в кроватке, напуганный и вдруг заплакал. Тогда немец с размаху ударил меня по лицу. Было очень больно, я ревел не переставая, и мать, защищая, прижала меня к себе. Они ушли... К утру стрельба стала затихать. Наступила тишина. А когда мы открыли ставни и выглянули на улицу, то увидели страшную картину: разбитые дома, обгоревшие оконные проемы, развалины еврейского гетто. На улице было пустынно и тихо. Я сидел у окна и смотрел на разгромленную улицу. Гулять меня не пускали, и я все дни проводил на подоконнике. Прошло несколько дней. Выпавший снег немного припорошил развалины. По улице ходил полицейский. Взад и вперед. Потом заворачивал за угол и возвращался. Так продолжалось несколько дней. Пустое гетто, полицейский и мертвая тишина. И вот однажды я сидел у окна и вдруг увидел — Лейба. Он появился у ворот гетто с ведерком и высматривал — где полицейский. Я встрепенулся, вцепился руками в оконную раму, я смотрел на него и понимал, насколько это опасно для него. Ему нужна была вода. В это время полицейский завернул на ул. Карбышева, и Лейба помчался к колонке. Я смотрел на него и шептал: «Успей, Лейба, добеги!». Но полицейский уже возвращался, он увидел бегущего, закричал: «Стой! Стой!». Лейба бежал. Тогда полицейский снял винтовку и выстрелил. Мальчишка взмахнул руками и упал навзничь... Этот случай я запомнил на всю жизнь. Образ невинно погибшего парнишки постоянно преследовал меня и к чему-то обязывал».

Анатолий Павлович так же вспоминает, что стала доходить информация, что белорусские города и села стремительно освобождает Красная армия. Накануне 8 марта на Брест и окрестности сбросили бомбы советские летчицы из знаменитой женской эскадрильи. Те «кукурузники» Анатолий Гарай видел лично. Но уже не в городе, а в деревне под Брестом. Туда семья переехала, как только начались бои. За помощь в работе крестьяне согласились приютить горожан. Для себя семья вырыла специальный схрон, замаскированный травой. Там ночевали и прятались во время бомбежек. Никто не знал, что прямо возле укрытия однажды встанет лагерь немцев. Правда, через день солдаты ушли из деревни. А раз наступило затишье, Толя с другими ребятами решил порыбачить.

«Идем мимо поля. Только зашли в рожь, кто-то хватать за руку. Смотрим: солдаты в пилотках с красными звездочками. Спрашивают: «Немцы есть?» Мы говорим: «Нет». А они нам: «Марш домой, свои идут!» Мы со всех ног в деревню понеслись, кричим: «Наши идут!» Видим, женщины выбежали, солдат обнимают. А лейтенант, молодой совсем, командует: «Поднять красный флаг на самое высокое дерево. Населенный пункт занят», - вспоминал Анатолий.

Семья Гарай вновь вернулась в Брест. Закопанные в сарае вещи украли мародеры. Но это не помешало начать новую жизнь. Анатолий Павлович окончил школу, пединститут, работал учителем и журналистом, стал автором книги воспоминаний о военном детстве. Видел писателя Сергея Сергеевича Смирнова. Беседовал с ним в своем саду, где по соседству жил участник обороны крепости Михаил Игнатюк. Видел и архитектора Александра Кибальникова, чьи монументальные скульптуры героической крепости знает весь мир. Не раз сам работал в крепости как репортер. Встречался со школьниками Бреста на уроках мужества.

Осознание бессмертного подвига защитников твердыни приходило постепенно. Цветы у крепостной стены — неувядаемый символ благодарной памяти потомков. «Здесь все — земля, вода, камень и даже воздух — воздух сам — слилось в бессмертие с веками, штыком взметнулось к облакам», — говорит брестчанин Анатолий Павлович.

...Все дальше от нас те дни. Все меньше тех, чья живая память еще хранит детали страшной войны. И тем дороже становятся воспоминания о ней. Ведь недаром говорят, что память тверже крепостной стены.